

ЧТОБЫ удовлетворить все просьбы, ему потребовалось бы по крайней мере лет 300 сверх обычной человеческой жизни. Но ведь это из области фантастики, поэтому ему часто приходится отказываться.

— Понимаете, — извиняющимся голосом объясняет он, — сейчас готовим два спектакля в своем театре плюс «Оптимистическую трагедию» в БДТ, «Закон вечности» у Павле и еще повторяю «Историю лошади» для музея БДТ.

Покаянная информация наконец исчерпана, но лишь до следующего телефонного звонка. Работы так много, что порой ему приходится оставаться в макетной и на ночь, и в такие дни он готов давать себе самые жестокие зарок. Но наступает утро, и очередной междугородный разговор заканчивается усталым «да».

На вид он кажется вызывающе несолидным, да ведь и сам стаж работы «первого макетчика Ленинграда» не исчисляется и десятка лет...

О театре он с детства не мечтал. Не только не мечтал, но и вовсе о нем не думал. Была в его школьной жизни скрипка, филармония, а вот театры существовали как-то совсем отдельно, особенно не затрагивая и не волнуя. Разве что в очередной раз, выходя к доске, вооруженный целым арсеналом шутейных приемов, он слышал восхищенный шепот одноклассников: «Ну, артист». Вот, пожалуй, и все, что касается театра.

Всерьез его талантом заинтересовались уже в армии. А открылось их сразу два. За один он был определен в армейскую самодеятельность, где выразительно читал стихи и во всю мощь молодого обаяния веселил тоскующих псодому солдат забавными сценками. Благодаря другому нашлось для него дело в оформительской мастерской. Не бог весть какая работа — вырезать из фанеры накладные буквы для щитов, но привилегированное место художника осталось за ним, за высоким парнем с тонкими, отшлифованными скрипкой пальцами.

Армейские друзья-художники предрешили его судьбу, подтолкнув к неведомому для него миру театра.

...СРЕЗАЛСЯ он на третьем туре. Было обидно, что на третьем, но это же и вселяло уверенность — ведь до третьего-то дошел! Так театр вошел в его жизнь. Целый год Михаил работал паркетчиком, а жил сценой. Каждый день, склоняясь над очередным кубометром заготовки, он шепотом отработывал: «Красуйся град Петров и стой непоколебимо...», а руки, между тем, привычным точным движением подгоняли одну к другой узкие паркетные доски.

Руки Мишу не подводили никогда. Может быть, по наследству, от деда, модельщика Балтийского завода, досталась ему виртуозная техника работы. Хотя, как утверждают ученые, навыки не передаются, а научить внука дед ничему не успел — после войны из мужчин в семье Николаевых остался один пятилетний Миша. И все же что-то наверняка в этом было.

Руки Михаила выразительные, пластичные, они с изяществом проделывали этюды с воображаемыми предметами — и на экзамене, и в тюзовской студии, куда он через год был принят. Они выручали его уже иначе, когда он работал артистом в Туле и в Тбилиси.

«Да здравствует веселье! Да здравствует услада!» — восклицал его герой со сцены. И, вероятно, кому-то из сидящих в зале казалось, что нет жизни привлекательнее и беспечнее, чем жизнь артиста. А артисту приходилось выкраивать редкие часы между репетициями и спектаклями, чтобы работать руками ради семьи. А потом подкосила болезнь. И Михаил вернулся в Ленинград.

Первый визит был в родной театр. Невероятную притягательность имеет альма-матер — то место, где молодость, надежды, радость новизны сплетаются в радужный магический круг. А что если круг этот очерчен вокруг театра? В десять, двадцать, в сотни раз сильнее и неодолимее его

власть. К сцене привыкнуть нельзя. Иному зрителю кажется, что стоит лишь заглянуть за кулисы, увидеть театральную «кухню», и, точь-в-точь как в сказке о Золушке, где пыльное платье обратилось мгновенно в лохмотья, очарование исчезнет, а поэзия обернется прозой. Так нет же! Даже когда из хорошо знакомых составных хоть на мгновение, подобно Фениксу, возрождается искусство, это всегда неожиданно и чудесно.

Михаил возвращался в театр с надеждой. Здесь был учитель, были сокурсники. Здесь был родной дом. Но по задуманному не сложилось...

Фотография на стене: подвешенные рампы в необычном ракурсе два парня с гитарами. Один из них — Миша. Снимок выразителен и динамичен, хотя сделан из-за кулис.

жет заручиться поддержкой лишь собственного слуха и памяти, то у авторов спектакля под рукой оказывается вполне реальный, осязаемый мир.

Тюзовская макетная кажется вся состоящей, подобно мозаике, из осколков бывших, существующих ныне или будущих спектаклей. Вот стоят на полке две крохотные (масштаб 1:20) конторки. Одна, классическая, для «Дачников» в БДТ; в очертаниях другой проступает хлесткая ирония, свойственная фонвизинскому «Недорослю» — это для Театра на Литейном. Висит на гвоздике велосипед, а под ним тюзовские люстры — из «Горячего камня» и «После казни прошу...». А рядом добротный бильярдный стол, увеличенный двойник которого появляется на сцене Малого драматического театра в спектакле «Господа офицеры».

этой жизни он почувствовал примерно через год, когда пришла уверенность, а с ней и желание работать много и разнообразно. Именно в это время случай свел его с художником БДТ Эдуардом Кочергиным. Они сошлись... Эту фразу невольно хочется продолжить известными строками из «Онегина» — «вода и камень». Может, в первый момент их разительную несхожесть не сразу отметишь — грех некоторого актерства свойствен людям театра, но не оценить вовсе ее невозможно. Мягкой, податливой натуре Михаила как раз не хватало стального кочергинского стержня. Они еще не были толком знакомы, известный художник и начинающий макетчик, но скорый на решения и очень категоричный в отношениях с людьми Кочергин вдруг предложил Михаилу провести вместе отпуск, путешествуя по Северу.

...Вага, приток Северной Двины, Заповедный край. Места здесь издревле известны художественными промыслами — ткачеством, производством медной посуды. Сюда и был проложен первый совместный маршрут. Роли распределились незаметно и как-то без лишнего слов. Один разводит костер, другой варит картошку. Один заготавливает дрова, другой колдует над стоянкой, превращая опушку леса в фешенебельный кемпинг с естественным холодильником и с удобной, тут же на ходу, смастеренной мебелью. Так прошел третий месяц их знакомства.

Этот союз оказался удивительно плодотворным в творческом отношении. Школа Кочергина, его навыки, полученные когда-то еще у старых, поистине уникальных мастеров Малюга, помогли Мише открыть в своей профессии новые, неожиданные перспективы. Совместно они работали над оформлением ленинградских, московских и даже зарубежных спектаклей. И хотя ТЮЗу Михаил изменить не решился, а уж как звали его в БДТ... Теперь на любой выставке театральных художников творчество Кочергина представляют макеты, выполненные Николаевым.

МИХАИЛ работает макетчиком уже восемь лет. Приходилось ему сотрудничать с самыми разными художниками. И с каждым из них он должен становиться иным, потому что каждый очередной спектакль — это не только новый автор, другая эпоха, это еще отличное от прежнего художническое видение.

Вот где пригодилось его актерское прошлое. Вспомнился студийный тренаж, когда тело училось свободе, а речь — ясности ради одной лишь цели — выразительности создаваемых образов. И вот вновь от него требуется умение перевоплощаться. Только теперь, продираясь через лабиринт технических сложностей, свою задачу он видит в точном соответствии индивидуальности художника и его идеи.

Когда-то у него было много помощников. Сцена делала его заметнее; костюм, грим, свет могли мгновенно и неузнаваемо преобразить. Теперь все иначе. Есть лишь собственная фантазия, собственные руки, собственное чувство.

— Вот здесь надо взять тонкое посветлее. — Это совет художнику, совет знатока, чей авторитет вне сомнений. Ведь не случайно о нем говорят, что он обладает абсолютным чувством пропорции, отменным вкусом и довольно редким даже среди макетчиков качеством — совершенным ощущением гармонии и завершенности. Действительно, глядя на его макеты, менее всего думаешь о чисто утилитарном их предназначении.

«Что же вы хотите, он ведь артист». Эту фразу о Михаиле я неоднократно слышала от художников. И правда, может ли быть довод очевиднее?

Зрители приходят в ТЮЗ и, прогуливаясь по фойе, непременно хоть на мгновение задерживаются перед аккуратными коробками — макетами. Вглядитесь в них пристальнее. И пусть имя макетчика здесь не указано, знайте — это дело рук Михаила Николаева, это его музей и его театр.

Н. НОВАК

МАГИЧЕСКИЙ КРУГ ТЕАТРА

РАССКАЗЫВАЕМ О ЧЕЛОВЕКЕ

РЕДКОЙ ПРОФЕССИИ

МАКЕТЧИКЕ ТЮЗА

МИХАИЛЕ НИКОЛАЕВЕ

Как жег он, наверное, тогда! Это было самое тяжелое время, когда сцена, его сцена, существовала лишь во сне. А сам он вынужден был осваивать новую профессию. Так и оказался Миша на четвертом этаже вместительного тюзовского здания — в небольшой макетной мастерской, пристанище художников, куда он нередко заезжал в студийные годы.

НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД, это занятие кажется необычайно странным. В самом деле, есть эскиз художника и есть готовые декорации. Это звенья одной цепи, связь между которыми естественна и нерасторжима. Зачем же требуется еще посредник в виде макета?

Оказывается, макету принадлежит в этом процессе роль действительно необычная. Это та алгебра, которой поверяется гармония идеи. Если, глядя на эскиз, любой из заинтересованных — режиссер, художник или актер — представляют будущее декорации обязательно немного по-разному, то макет устанавливает фантазии предел. Здесь перед зрителем осязаемое, зримое, конкретное будущее, только взятое в миниатюре. Соотношение эскиза и макета, переведенное на музыкальные ассоциации, — это соотношение мелодии и оркестровой партитуры. Но если композитор, доверяя инструменту ту или иную роль, мо-

Но все это не коллекция безделушек. Любой миниатюрный предмет здесь так же функционален, как находящийся рядом тиски, токарный станок, точило, фреза. Из них, как из блоков в современном строительстве, создается первый, черновой вариант макета — выгородка.

В любой работе найдется масса неведомых и любопытных для стороннего глаза вещей. Профессия макетчика вся состоит из неожиданностей. Сегодня надо обтянуть шинельной тканью сцену, создав иллюзию тяжести свободного падающего материала. А то, что в полуметровом куске грубой материи ни под каким видом этой иллюзии не добиться, это никого не интересует. Думай, макетчик! Или, например, такая задача. Как получить стеклянную колбу величиной в сантиметр? К специалистам тут не обратиться. Фантазируй и изобретай сам. А награда за ежедневные открытия измеряется не в патентах и публикациях, а в хорошо выполненной работе, глядя на которую о сложностях и не задумываешься, все обычно: в театре как в театре.

Как бы то ни было, но работа, казавшаяся в первые дни лишь прибрежным, стала постепенно увлекать и требовать все больше душевных затрат. Миша вживался в новую роль. Однако настоящий вкус к